УДК 94(47).084.3

А. В. Ганин

«Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам»

Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии[1]

Ускоренная подготовка кадров на курсах военного времени Императорской Николаевской военной академии, осуществлявшаяся в 1916–1919 гг., кардинально поменяла облик корпорации генштабистов, пополнив его своего рода генштабистами военного времени (курсовиками), прошедшими сокращенное обучение[2]. Отношение к ним со стороны выпускников академии мирного периода было достаточно сложным, что нередко приводило к острым конфликтам и противоречиям. В таком состоянии нараставшего внутреннего раскола корпус офицеров Генерального штаба подошел к Гражданской войне, обострившей и многие другие противоречия.

Отход от прежней жесткой субординации, предопределявшейся упраздненными чинами и проникновение курсовиков на высокие посты в Красной армии укрепили корпоративный дух выпускников курсов и подготовили почву для

[1] Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14–31–01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

[2] Подробнее о курсовиках, уровне их подготовки и отношении к ним со стороны старшего поколения генштабистов см.: *Ганин А. В.* «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // Родина. 2014. № 8. С. 62–66.

их коллективной борьбы за свое положение в новой армии. Вопрос этот уже достаточно подробно изучен[3], однако новые документальные свидетельства позволяют уточнить и детализировать прежние представления.

В личном фонде выпускника ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии бывшего штабс-капитана В. М. Цейтлина из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге сохранились ценнейшие документальные свидетельства о борьбе выпускников курсов за свои права. Цейтлин был одним из активистов выпуска, поэтому бывшие однокашники направляли ему такого рода документы. Более того, первый документ касался служебных перипетий самого Цейтлина.

Документ этот именуется «Открытым письмом причисленным к Генеральному штабу выпуска 1917 года», датирован 20 мая 1918 г. и относится к эпохе зарождения РККА до ее вовлечения в широкомасштабную Гражданскую войну. В то время взаимоотношения между курсовиками и представителями довоенных выпусков академии еще не устоялись, что порождало конфликты и недоразумения. Один из таких конфликтов на почве неприязни двух различных групп генштабистов, возникший в штабе Рязанского отряда завесы между помощником военного руководителя отряда бывшим генералом П. В. Чеснаковым и выпускниками курсов 2-й очереди Н. Я. Забегаловым, А. В. Кирпичниковым, А. П. Панкратьевым, С. К. Сидоровниным и В. М. Цейтлиным, описывается в открытом письме.

Отметим, что Кирпичников и Сидоровнин в штабе Рязанского отряда занимали должности для особых поручений, а Забегалов, Панкратьев и Цейтлин значились начальниками отделений[4].

Истоки инцидента восходят ко времени полевой поездки военспецов по рекогносцировке позиций для обороны железнодорожных узлов рязанского района, проходившей под руководством бывшего генерала С. М. Шейдемана 27 апреля — 4 мая 1918 г. По итогам поездки был составлен краткий доклад военному руководителю Московского района. В ответ 8 мая было получено предписание представить через неделю план оборудования позиций со сметой. Однако для этого требовалось провести новую рекогносцировку, причем намечена она была позднее требуемых сроков выполнения задания.

Выполненная Цейтлиным работа не устроила помощника военрука бывшего генерала П. В. Чеснакова, который даже не взял доклад и потребовал его переделать. Возмущенный Цейтлин это сделать отказался. В результате было решено отчислить его от должности. История так бы и осталась заурядным конфликтом, если бы товарищи Цейтлина по службе и по академии не вступились за него. Ими было подготовлено открытое письмо к своему выпуску, в котором подробно описан инцидент.

[3] *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 33–66.

[4] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 79. Л. 115; Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 28.

В документе давалась уничтожающая характеристика помощнику военрука Рязанского отряда Чеснакову, которые некорректно вел себя по отношению к курсовикам, не верил в успех создания Красной армии и, вполне возможно, был саботажником. Последующие события подтвердили справедливость подозрений. Чеснаков осенью 1918 г. уволился из РККА, а позднее бежал к белым и уже в 1919–1920 гг. служил в антибольшевистских формированиях на Юге России. В конце документа делался вывод о том, что во главе РККА среди старых спецов присутствуют рутинеры, травящие генштабовскую молодежь. Документ подписали Забегалов, Кирпичников, Панкратьев и Сидоровнин. Интересно, что последний, как и генерал Чеснаков, также позднее бежал из Советской России и далее служил в белом лагере. Цейтлин как заинтересованное лицо документ, естественно, не подписывал. В 1919 г. Забегалов и Панкратьев были арестованы в связи с делом Полевого штаба Реввоенсовета республики (РВСР) в рамках ликвидации неформального корпоративного объединения бывших курсовиков 2-й очереди, однако вскоре вышли на свободу.

Сам факт появления открытого коллективного письма группы военспецов с критикой старого Генштаба вполне характеризует атмосферу той эпохи, изменившей представления о границах возможного даже у кадровых боевых офицеров, какими были молодые выпускники курсов академии. Фактически это был публичный донос на представителя старого Генштаба. Попади такой документ в руки чекистов, бывший генерал Чеснаков вполне мог попасть под маховик репрессий, особенно с учетом того, что в 1918 г. с подозреваемыми в контрреволюции не церемонились.

Подобные письма в дальнейшем стали одним из основных методов борьбы курсовиков за свои права. В то время серьезное наказание следовало и за куда более безобидные поступки бывших офицеров, которым новые власти обоснованно не доверяли. Нельзя забывать и про стихийную, и про организованную волны антиофицерского террора, прокатившиеся по стране в 1918 г. Даже будучи обращенным к товарищам, такое письмо могло возбуждать подозрения и опасения. Коллективные письма работали и в отношении начальства из военспецов. Однако последующие попытки курсовиков давить коллективным мнением не только на бывших офицеров, но и на большевистское руководство закончились для подписантов коллективных петиций плачевно. В 1919 г. целая группа курсовиков подверглась арестам, а о корпоративизме выпускников курсов академии 2-й очереди пришлось забыть. Как показывает второй документ, только на некоторое время.

До сих пор не было известно о том, что курсовики вынужденно продолжали бороться за свой статус в командном составе РККА и после Гражданской войны. Ныне вводимые в научный оборот данные свидетельствуют, что их борьба не завершилась летом 1919 г. в результате арестов лидера выпуска ускоренных курсов 2-й очереди Г. И. Теодори и позднее группы его соратников по делу Полевого штаба РВСР. Казалось бы, аресты пресекли деятельность слушателей по созданию параллельных штабам РККА неформальных структур взаимодействия. Однако обнаруженные свидетельства расширяют

хронологические рамки борьбы курсовиков, выводя их за временные пределы широкомасштабной Гражданской войны.

Второй публикуемый документ 1924 г. свидетельствует о том, что служебный статус курсовиков всё еще подвергался сомнениям со стороны военно-политического руководства. Это, в свою очередь, как и прежде, порождало ответную реакцию в форме коллективных писем курсовиков в свою защиту, укрепления корпоративной самоорганизации и взаимовыручки.

Обеспокоенность курсовиков вызвала речь главного начальника военно-учебных заведений Д. А. Петровского на всесоюзном совещании по территориальному формированию в марте 1924 г. в связи с его предложением пересмотреть список лиц с высшим общим военным образованием. Замаячила давно забытая угроза возвращения к дореволюционному бюрократическому подходу в отношении курсовиков. Тогда их пытались считать временной заменой в условиях дефицита кадров, предлагая продолжить обучение после войны.

Предложение Петровского было очевидным недоразумением, поскольку противоречило изданным в 1918 г. в РККА приказам о причислении и переводе курсовиков в Генштаб. Противоречило оно и той важнейшей роли, которую сыграли курсовики в создании Красной армии. Кроме того, предложение почему-то не касалось других ускоренных выпусков.

Заявление породило обширное коллективное письмо курсовиков, в котором были подробно описаны заслуги выпуска перед Советской Россией и Красной армией. Курсовики обратились в Штаб РККА за разъяснениями. Помощник начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевский заверил их в том, что служебный статус не изменится.

Публикуемые документы представляют несомненный интерес как с точки зрения истории корпоративной борьбы курсовиков, так и в отношении истории Красной армии и ее командного состава. Интересно, что второй документ подписали в большинстве своем прежние активисты выпуска, известные по борьбе периода 1918–1919 гг. В целом же к середине 1920-х гг. курсовики утратили прежнее положение и уже не играли такой важной роли в советском военном строительстве, как в 1918–1919 гг. Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

Документ № 1

Открытое письмо. Причисленным к Генеральному штабу выпуска 1917 года

Считаем своим долгом довести до сведения всех причисленных к Генштабу выпуска 1917 года нижеследующее:

С 27 апреля по 4 мая 1918 г. была совершена полевая поездка по рекогносцировке позиций для оборон жел[езно]дорож[ных] узлов Рязанского района. Руководил поездкой военный руководитель отряда Шейдеман, участвовали причисленные к Генштабу Кирпичников, Цейтлин, Сидоровнин.

В штабе не имелось карт крупнее 10-верстoк, и потому целью этой поездки было выбрать на местности линию обороны, чтобы в следующую поездку уже с участием артиллериста и инженера произвести детальную рекогносцировку намеченных линий. Таким образом поездка эта имела характер предварительный, подготовительный и не предполагалось даже представлять отдельных письменных отчетов каждым из участников. Военному же руководителю Московского района был составлен доклад с общей краткой характеристикой выбранных линий обороны с указанием их на 10-верстной карте.

8 мая было получено от военрук[а] московского предписание представить к 15 мая план оборудования позиций и смету инженерных работ. Чтобы исполнить это предписание, необходимо было произвести тщательную рекогносцировку позиций, каковая и назначена на 19–20 мая.

Помощник военного руководителя бывший генерал Чесноков приказал причисленным к Генштабу Кирпичникову и Сидоровнину (Цейтлин в это время был в отпуску) составить схемы позиций в масштабе одна верста в дюйме с указанием на них таких деталей позиции, как наблюдательные артиллерийские пункты, проволочные заграждения, фланкирующие постройки и т. п., и описание позиций по составленной им программе. При обсуждении этого вопроса Чеснокову докладывали, что произведшие рекогносцировки не могли представить схем с такой деталировкой, это не входило ни в их задачи, ни времени для этого не было дано. Однако он подтвердил свое приказание, мотивируя его необходимостью исполнить предписание и хоть что-нибудь представить.

Выполняя это приказание, Кирпичников делал копировку с 10-верстной карты, Сидоровнин копировал двухверстную уездную карту. Обоим им пришлось пополнять копировки по памяти. Словом, получилась работа для отбывания номеров, ничем не оправдываемая и вредная для дела.

18 мая Цейтлин прибыл из отпуска. Чесноков и от него потребовал такой же работы. Тогда Цейтлин подал Чеснокову письменный доклад о рекогносцировке позиции. Чесноков, не взяв доклада, приказал переделать его по образцу делаемых Кирпичниковым и Сидоровниным. Цейтлин переделывать свой доклад отказался. Тогда Чесноков в резкой форме заявил ему, что сегодня же он будет отчислен от должности. В этот же день Чесноков доложил об этом военному руководителю и решено отчислить Цейтлина от должности.

В этом инциденте, свидетелями которого были Кирпичников и Сидоровнин, виноваты и Чесноков, и Цейтлин. Чесноков виноват в предъявлении неправильного требования — переделать доклад, даже не прочитав его, Цейтлин в том, что не нашел из этого положения другого выхода, как категорический отказ.

Чтобы не возникло обвинений против Цейтлина в неисполнении приказания, считаем долгом довести до сведения всех причисленных к Генштабу выпуска 1917 г., что такое Чесноков, и как он себя поставил в штабе. Чесноков явился в штаб Рязанского отряда в начале апреля, когда начальника штаба еще не было, и его должность исполнял причисленный к Генштабу Забегалов. В первых же днях он заявил, что военрук Шейдеман — это корнет по душе

и характеру и, как следствие, ничьих распоряжений, кроме его, Чеснокова, как ближайшего начальника за отсутствием начальника штаба, не исполнять (заявлено причисленному к Генштабу Сидоровнину). В успех формирования армии совершенно не верит, открыто заявляет, что, может, через год или два удастся сформировать дивизию, да и то едва ли. В сношениях с советами и комиссарами считает необходимым засорять мозги (его подлинное выражение), иначе дело делать нельзя. В отношениях к причисленным к Генштабу крайне некорректен, называя их не кадровыми офицерами Генштаба, понюхавшими академии и проч. Трения на почве его некорректности начались с самого начала пребывания в штабе и не с одним Цейтлиным. Инциденты были с Забегаловым и Сидоровниным. Последние выдержали его некорректность, только не желая обострять и без того натянутые с ним отношения.

После инцидента с Цейтлиным мы решили просить начальника штаба Андерса (всего неделю в штабе):

1) Ликвидировать инцидент домашним путем, т[ак] к[ак] считаем его следствием некорректности Чеснокова, проявленной не раз раньше, и его отрицательного отношения к причисленным к Генштабу и

2) Положить предел выходкам Чеснокова по отношению к нам, для чего принять меры, чтобы приказания получались нам через начальника штаба, а не лично от Чеснокова.

По обоим пунктам начальник штаба нам отказал, обещав только поговорить с Чесноковым, чтобы он не задевал нашей академии (Андерс — бывший начальник штаба дивизии, которой командовал Чесноков).

Всё вышеизложенное достаточно ясно показывает, что старый Генштаб в лице многих своих представителей, в данном случае Чеснокова, по-прежнему крайне отрицательно относится к нам, причисленным, и что Цейтлин — лишь новая жертва такого отношения. Это особенно больно делается, когда ясно видишь, что Чесноковы, не веря в создание новой армии, всё же неизвестно по каким причинам пошли в нее и по-прежнему краеугольным камнем работы считают отписку, отбывание номера.

20 мая 1918 г.
гор. Рязань
Штаб Рязанского отряда

Причисленные к Генеральному штабу Н. Забегалов, С. Сидоровнин, А. Кирпичников, А. Панкратьев[5]

[5] К документу приклеена вырезка из газеты с приказом народного комиссариата по военным делам (по личному составу) № 18 от 5 сентября 1918 г., в котором указано, что С. М. Шейдеман назначается начальником 1-й пехотной Рязанской дивизии с 02.09.1918, а помощник военного руководителя Рязанского отряда П. В. Чеснаков увольняется от службы по болезни с 02.09.1918. Также В. М. Цейтлин карандашом дописал данные о последующих судьбах участников инцидента. Шейдеман — «умер от тифа в Бутырке. Арестован за участие в карат[ельной] экспедиции 1905 года»; Чеснаков — «расстрелян, как взятый в плен, изменивший (ранее перебежал к белым)»; Забегалов — «Увуз

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (*АВИМАИВиВС*). *Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 24–25.* [*Подлинник. Машинопись. Подписи чернилами*]

Документ № 2

Выяснение со стороны группы лиц выпуска из Военной академии 1917 года вопроса, связанного с их образованием по речи Главначвуза т. Петровского Д. А. на Всесоюзном совещании по тер[риториальному] формированию[6]

На Всесоюзном совещании по тер[риториальному] формированию главначвуз т. Петровский Д. А. заявил, что содержание списка лиц с высшим военным образованием не соответствует по существу действительности и предположено, например, из него изъять целиком выпуск Военной академии 1917 года как неудовлетворяющего за неполнотою[7] прохождения курса Военной академии.

Считая, что подобное необоснованное заявление, сделанное на совещании ответственных представителей Красной армии, может породить несоответствующие фактическому положению вещей выводы и дискредитировать выпуск 1917 г., из рядов коего и в настоящий момент есть лица, занимающие весьма ответственные должности в Красной армии и, кстати сказать, некоторые из них были даже в президиуме данного совещания, мы, нижеподписавшиеся, выпуска 1917 года, находим необходимым рассеять создавшееся недоразумение выявлением истинного положения названного выпуска на основе фактического материала.

Лица выпуска 1917 г., кадровые офицеры старой армии, пробывшие предварительно (до академии) в строю от 5 до 8 лет, в 1914 г. выдержали письменные вступительные экзамены в Военную академию.

Возникшая мировая война понудила прекратить деятельность Военной академии и вернуть офицеров в свои части, с коими им пришлось выступить немедленно на фронт и пройти боевой стаж в строю на должностях от командиров рот, эскадронов, старшего офицера арт. батареи, до командиров полков и арт. дивизионов включительно.

Украины»; Сидоровнин — «не знаю где»; Кирпичников — «пом. наштатуркфронта»; Панкратьев — «штаб М.В.О.». На первой странице документа: вход № 86. 20.12.48 г. Печать: Музей связи ВКАС. Инв. № Va-472. В действительности П. В. Чеснаков умер в эмиграции в 1948 г. ВКАС — Военная Краснознаменная академия связи им. С. М. Буденного.

6 Прилагается вырезка из газеты «Красная звезда» № 85 за 1924 г. «К сведению окончивших Воен. академию»: «Группа военных работников, окончивших Военную академию в 1917 году, в связи с сомнением, возникшим у них по вопросу о специальном их учете как лиц с высшим военным образованием, обратилась за разъяснением в Штаб РККА. Из беседы с помощником начальника Штаба РККА тов. Тухачевским выяснилось, что эта категория лиц будет оставаться на специальном учете лиц с военным образованием и **никакой разницы** в отношении прохождения службы между этими работниками и окончившими академию в мирное время не будет». На документе надпись: Вход. № 87. 20.12.48 г. Печать: Музей связи ВКАС. Инв. № Va-473.

7 В документе ошибочно — «неполностью».

1 марта 1916 года за недостатком в армии офицеров Генерального штаба, особенно в момент формирования второочередных корпусов, все названные офицеры были призваны занять должности офицеров Генерального штаба в штабах дивизий, корпусов и армий и, таким образом, принять непосредственное участие в сложной работе по формированию и в боевых операциях в дивизионном, корпусном и армейском масштабах; все они получили от непосредственного начальства — лиц Генерального штаба, отличные отзывы о выдающейся работе по службе Генерального штаба.

По проекту, одобренному военным министром и начальником штаба Верховного главнокомандующего, с 1 августа 1916 года должна была быть открыта Военная академия и означенные офицеры должны были быть командированы в нее для прохождения курса.

Фронт в лице главнокомандующих категорически запротестовал против откомандирования названных офицеров в академию, считая невозможным их замещение кем-либо в штабах до того момента, когда могут быть подготовлены соответствующие заместители, для коих и были открыты краткосрочные курсы при Военной академии.

Лишь в начале января 1917 г. была открыта Военная академия для офицеров выпуска 1917 г.

Младший курс был закончен полностью 1 июня 1917 г., после чего офицеры были откомандированы обратно в штабы на свои должности для участия в боевых операциях вместо положенных съемок и летних занятий с обозначенным противником.

В начале октября 1917 г. выпуск опять был призван в академию для прохождения старшего курса, каковой был закончен в середине марта 1918 года, причем для прохождения старшего курса был произведен отбор из окончивших младший курс лиц по боевому опыту и не приняты на старший курс лица с недостаточным боевым стажем.

Оставалось закончить дополнительный курс, т. е. выполнить темы, к каковой работе выпуск и рассчитывал приступить, когда по требованию советского правительства ввиду разрыва Брестских переговоров и за отсутствием в тот момент офицеров Генерального штаба прежних выпусков было предложено выпуску 1917 года закончить занятия в академии и принять назначения для формирования Западной и Северной завесы, штаба Московского района и на Кавказ; при этом выпуску постановлением конференции от 3 марта 1918 г.[8] было выдано свидетельство об окончании полного курса 2-х классов Николаевской военной академии с правом на ученый знак и причисление к Генеральному штабу.

С этого момента началась без счета рабочих часов тяжелая и ответственная работа в процессе создания Красной армии и в боевых операциях последней на различных фронтах Гражданской войны, в большинстве на весьма ответственных постах.

[8] В документе ошибочно «1919 г.».

Как известно, отзывы о работе со стороны не только непосредственного начальства, а включительно до наркомвоен[а] тов. Л. Д. Троцкого о лицах выпуска 1917 г. были более чем хорошие (приложение — приказ № 21, опубликованный в книге Л. Д. Троцкого «Как вооружалась революция», с. 150[9]).

Несколько ранее приказом № 22 по Генеральному штабу от 23 марта 1918 г. выпуск был причислен к Генеральному штабу, а приказом Всероссийского главного штаба (по корпусу Генерального штаба) 27 июня 1918 г. № 18[10] (утвержденному Л. Д. Троцким) переведен на условиях и правах выпусков 1915 и 1916 годов, объявленных в приказе по Генеральному штабу 14 августа 1916 г. № 14, — в Генеральный штаб.

Опуская в настоящем докладе те или иные заслуги выпуска 1917 г. в строительстве Красной армии и в успехах последней на всех боевых фронтах, кои сыграли не последнюю роль в деле благополучного подхода к мирной жизни Советской России, а касаясь лишь его права по полученному высшему образованию стать совершенно равноценным всем выпускам Военной академии, что и является целью настоящего доклада, необходимо отметить нижеследующее:

Программа Николаевской военной академии мирного времени имела учебных часов:

младш. курс 6 мес. по 24 дня = 144 дн. по 6 ч. в день = 864 час.

старш. курс —//— = 864 час.

Итого 1728 учебных часов

Программа курса выпуска 1917 года:

младш. курс 4 1/2 мес. по 24 дня — 108 дн. по 8 час. в день — 864 учебн. час.

старш. курс 5 1/2 мес. по 24 дня — 132 дн. по 8 час. в день — 1056 учебн. час.

Общее число 1920 учебных часов.

Таким образом, совершенно явствует, что выпуск 1917 г. при прохождении двух классов Военной академии не только равен, но превысил числом учебных часов занятия Военной академии мирного времени. Если же к этому добавить, что при прохождении курса выпуском 1917 г. были выброшены из программы — верховая езда, проходившаяся каждым на фронте, вычерчивание топографических знаков, фортификационных и прочих чертежей и схем, ситуационное черчение и т. п. как балласт, отнимавший в старое время совершенно не продуктивно учебные часы, то преобладание учебных часов будет еще нагляднее.

[9] «В полученных мной донесениях указывается, что многие молодые генштабы (т. е. офицеры Генерального штаба последних выпусков) в недавних боях на Восточном фронте сражались геройски. Считаю долгом своим довести об этом до сведения всей страны. Стало быть, старое кадровое офицерство выделило из себя не одних изменников и тушинских перелетов, которые продают себя поочередно каждой из воюющих сторон. Среди молодых "генштабов" немало таких, которых революция связала с рабочим народом и Советской властью. Честь им и место. Изменники будут раздавлены, а молодые генштабы будут призваны строить Рабочую и Крестьянскую армию возрожденной России» (*Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923. С. 150).

[10] Подчеркнуто синим карандашом.

Получившийся же излишек учебных часов был использован на заслушание слушателями нечитанных до войны в академии курсов с соответствующими выводами по опыту мировой войны, а именно: авиации, последним достижениям инженерного искусства, газовых средств борьбы, маскировке, связи, разведке, контрразведке, позиционной войне и военная история мировой войны (разрядка документа. — *А. Г.*).

Что же касается как бы незаконченных работ выпуска по темам дополнительного курса, то этот пробел, так же как летние полевые занятия и съемки, были с лихвою отработаны выпуском за период нахождения его на фронте империалистической войны, а позднее Гражданской, путем описания соответствующих боевых районов на фронте, многочисленных рекогносцировок в боевой обстановке, оперативных и организационных докладов (по службе Генерального штаба) по своим должностям, а также и своими выступлениями в военно-научной печати (разрядка документа. — *А. Г.*).

Мало этого, строевой стаж мирного времени от 6 до 8 лет, боевой стаж в строю и штабной стаж по службе Генерального штаба, в том и другом случае на ответственных постах в армии перед началом занятий в академии, поставили военную ценность выпуска в исключительные условия и обновленная профессура академии того времени путем привлечения лучших сил с большим боевым опытом фронта совершенно ясно это подчеркивала, заявляя, что этот выпуск исключительный и пребывание его в академии должно иметь целью лишь систематизацию знаний, боевому же опыту его может тогда позавидовать и сама профессура (разрядка документа. — *А. Г.*). Кстати, некоторые представители коей строили свои курсы на докладах слушателей из опыта войны, по задаваемым им темам.

Всё изложенное было подтверждено бывшим начальником академии профессором А. И. Андогским[11] наркомвоену Л. Д. Троцкому в июне 1918 г. при подписании приказа о переводе выпуска в Генеральный штаб.

В настоящий момент лицами выпуска 1917 г. занимаются должности в Красной армии на действительной службе:

наштафронтов[12] — 1,
наштармов[13] — 2,
наштакоров[14] — 2,
наштаокров[15] — 2,
наштадивов[16] — 4,

[11] В документе ошибочно «А. Н. Андогским».

[12] Начальник штаба фронта.

[13] Начальник штаба армии.

[14] Начальник штаба корпуса.

[15] Начальник штаба округа.

[16] Начальник штаба дивизии.

помнаштаокров[17] — 2,
начальников частей Штаба РККА — 4,
то же округа — 3,
начальников отделений округа — 2,
По ГУВУЗу[18]:
преподавателей — 2,
начальников высших школ — 2,
пом[ощников] нач[альников] высших школ — 2.
главных руководителей и преподавателей высших школ — 4,
начальников школ — 3,
пом[ощников] нач[альников] школ — 4,
нач[альников] учебных отделов — 1,
помощников — 2,
преподавателей школ — 7,
старших инспекторов окрвузов[19] — 2 и
ГУВУЗа — 1,
начвосо[20] округа — 1.

Как видно из приведенных должностей, занимаемых в настоящее время лицами выпуска 1917 г., последний и по сие время ведет большую работу по строительству и боевой подготовке Красной армии, неся на своих плечах не только службу на командных постах, но и выполняя военно-научную работу путем чтения лекций и участием в военной печати своими научными трудами; поэтому на основе всего изложенного было бы противоестественным для внутреннего существа выпуска согласиться с высказанным (см. стенограмму) положением тов. Петровского и совершенно справедливым в общих интересах военного дела Красной армии признать, что:

вопрос о выпуске 1917 г. окончательно решен приказом Всероссийскому главному штабу (по корпусу Генерального штаба) 27 июня 1918 г. № 18, утвержденному наркомвоен[ом] Л. Д. Троцким, а потому и возникновение пересмотра вопроса о нем является явным и решительно ни на чем не обоснованным недоразумением, совершенно недопустимым в условиях службы Красной армии (разрядка документа. — *А.Г.*).

Б. Скворцов, Варфоломеев, В. Трофимов, Боголепов, Майгур, Дубинин, В. Цейтлин, В. Максимов, В. Стульба, Г. И. Теодори, Стасевич, [4 подписи неразборчиво]

АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 27–30.
[*Подлинник. Машинопись. Подписи чернилами*]

[17] Помощник начальника штаба округа.

[18] ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений.

[19] Окружных военно-учебных заведений.

[20] Начальник военных сообщений.

References

Ganin A. V. «Mozg armii» v period «Russkoj Smuty»: Stat'i i dokumenty. M., 2013.

Ganin A. V. «Nedonoski»? Vypuskniki uskorennyh kursov Imperatorskoj Nikolaevskoj voennoj akademii v gody Pervoj mirovoj vojny // Rodina. 2014. № 8. S. 62–66.

Trockij L. D. Kak vooružalas' revolûciâ (na voennoj rabote). T. 1: Tysâča devât'sot vosemnadcatyj god. M., 1923.

Список литературы

Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013.

Ганин А. В. «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // Родина. 2014. № 8. С. 62–66.

Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923.